

Мартов Л.

**Современная Россия.
Экономическое развитие,
социальные и политические
противоречия, рабочее
движение и социал-
демократия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л11

Л11 **Л. М.**
Современная Россия. Экономическое развитие, социальные и политические противоречия, рабочее движение и социал-демократия / Мартов Л. – М.: Книга по Требованию, 2026. – 67 с.

ISBN 978-5-519-95587-4

ISBN 978-5-519-95587-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вымъ требованіемъ удовлетворенія своихъ частныхъ интересовъ; каждая клика эксплуататоровъ требуетъ легализованія самыхъ необузданныхъ приемовъ эксплуатации. Тщательно оттѣсняемая отъ политической сферы, борьба матеріальныхъ интересовъ принимаетъ тѣмъ болѣе яростный характеръ; правительство, ставящее себѣ цѣлью не допускать ее превратиться въ политическую борьбу, осаждаемое все болѣе настойчивыми требованіями тѣхъ классовъ, которыхъ экономическая эволюція выдвигаетъ на первый планъ и снабжаетъ сознаніемъ собственной силы, — вынуждено снимать всякія преграды, стоящія на пути эксплуатации ими всей націи, вынуждено всецѣло отдаться въ руки этихъ кочерій. По мысли идеологовъ и утопистовъ этой системы, — а ея геніальные практики, Наполеоны и Бисмарки, были въ тоже время ея утопистами — ея основнымъ принципомъ должно быть распространеніе благъ покровительства на всѣ социальные слои такъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не искалъ осуществленія сознанныхъ имъ интересовъ внѣ рамокъ этой системы, а между тѣмъ, полное стѣсненіе и подавленіе политической жизни падаетъ всею тяжестью только на демократическіе слои общества, оставляя сплннымъ экономически группамъ возможность оказывать закулисное вліяніе на ходъ политики, превращая послѣднюю въ орудіе соединенной клики „сливокъ“ эксплуататоровъ всѣхъ сортовъ. Равновѣсіе, которое является цѣлью системы, достигается, но въ видѣ примиренія различныхъ фракцій господствующихъ классовъ на почвѣ вышей эксплуатации остальной массы населенія, — и эта послѣдняя толкается въ сторону политической оппозиціи. Политика, ставящая себѣ цѣлью атомизированіе общества, достигаетъ сплоченія почти всѣхъ соціальныхъ элементовъ въ одну оппозиціонную массу. И это превращеніе „внѣклассовой“ политики въ ея противоположность, это эскамотированіе всевозможныхъ политикъ „соціального цезаризма“, штатсъ-соціализма и т. п. совершается тѣмъ быстрѣе и неизбежнѣе, что общее развращеніе поражаетъ тотъ самый

полицейскій аппаратъ, посредствомъ котораго система должна проводиться въ жизнь. Испорченность въ рядахъ бюрократіи характеризуетъ эпоху Наполеона III и Бисмарка, какъ и современныхъ Романовыхъ.

Первыми шагами правительства Александра III, на ряду съ искорененіемъ гидры революціи и свободы мысли, было нѣсколько мѣръ такъ-называемой „народнической политики“, соблазнившихъ въ свое время не мало мелко-буржуазныхъ филистеровъ. Поскольку эта политика проявилась въ фабричномъ законодательствѣ, — о ней рѣчь будетъ ниже, главнымъ же ея полемъ было крестьянство, среди котораго въ началѣ 80-хъ годовъ проявилось волненіе, выразившееся на югѣ и юго-западѣ въ формѣ антисемитическихъ беспорядковъ, а въ центральной Россіи — въ видѣ массового отказа отъ выполненія арендныхъ договоровъ съ помѣщиками (въ губерніяхъ Тамбовской и Воронежской). Въ этой сферѣ политика царизма состояла, съ одной стороны, въ активномъ содѣйствіи отведенію бурнаго теченія въ русло религіозной расовой вражды, съ другой — въ облегченіи прямыхъ податей и устройствъ такъ-называемаго „Крестьянскаго банка“ Первая изъ этихъ мѣръ, диктовавшаяся необходимостью, послужила началомъ еще не завершившагося процесса приспособленія финансовой системы къ требованіямъ капиталистическаго общества; отмененные прямые налоги съ избыткомъ возмѣщены все растущими косвенными; учрежденіе Крестьянскаго банка повело къ ускоренію процесса дифференцированія въ средѣ крестьянства и въ тоже время облегчло прогорѣвшимъ землевладѣльцамъ ликвидацію своихъ имѣній, спросъ на которыя былъ поднять ссудами банка покупателямъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, эта мѣра „народной политики“ соприкасалась съ самою сущью основной тенденціи современнаго абсолютизма: она являлась поддержкой социальнаго элемента, бывшаго его опорой въ прежнее время и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовала видѣренію въ самыя глубины деревни новаго социального элемента — широкаго основанія великой буржуаз-

пой пирамиды. Мудрено-ли, что эта мѣра, не смотря на пснугъ ультра-феодаловъ, увидавшихъ въ ней „соціалпстическое начало“, была принята всѣми восторженно, п революціонный терминъ „народникъ“ сталъ вдругъ респектабельнымъ п ультра-лояльнымъ.

Отдавъ необходимую дань „народнической политикѣ“, царизмъ увѣренно пошелъ по дорогѣ прямого покровительства. Дворянскій банкъ, учрежденный одновременно съ Крестьянскимъ, предоставивъ землевладѣльцамъ кредитъ на гораздо болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ даваемый Крестьянскимъ банкомъ, выбросилъ сотни милліоновъ изъ народнаго кармана для удовлетворенія алчныхъ аппетитовъ благороднаго сословія. Правила о наймѣ сельскихъ рабочихъ, изданныя одновременно съ первыми „буржнскими законами, установили уголовную отвѣтственность за нарушение батраками договора п легализировали крѣпостной характеръ ихъ эксплуатаціи. Новый законъ о земскихъ учрежденіяхъ (89 г.), новый избирательный цензъ значительно ослабилъ представительство болѣе демократической группы п утвердилъ гегемонію дворянства въ органахъ мѣстнаго самоуправления, а съ созданіемъ должности земскихъ начальниковъ, эксплуатація крестьянъ землевладѣльцами получила значительную поддержку въ цѣломъ корпусѣ мелкихъ царьковъ, являющихся по отношенію къ крестьянамъ самой широкой п почти безконтрольной властью. Годомъ позже новое положеніе о муниципальных учрежденіяхъ отдало городское управление въ руки торгово-промышленной п домовладѣльческой олигархіи. Всѣ формы покровительства были къ услугамъ капиталистовъ: поощреніе картелей, запретительныя пошлины, законы о стачкахъ рабочихъ, проведеніе путей сообщенія на средства плательщиковъ налоговъ, почти абсолютная свобода капиталовъ отъ обложенія, „благодѣянія кредита“.

И, распредѣляя всѣ эти блага, бюрократія норовила во всемъ захватить себѣ львиную долю: давая въ мѣстномъ управленіи преобладающее значеніе дворянству^н „

плутократія, она въ то же время сѣуживала права общественныхъ органовъ и расширяла опеку мѣстной администраціи; у „вредныхъ“ классовъ общества одна за другой отнимались „вольности“, добытыя въ предшествующее 25-лѣтіе: судъ присяжныхъ былъ искалѣченъ, изъ его вѣдѣнія изъята значительная часть дѣлъ, цензура свирѣствовала, свободы преподаванія не существуетъ, все подѣ контролемъ и подозрительнымъ надзоромъ бюрократіи, которой, цѣлымъ рядомъ законовъ и изъятій, обезпечена полная безнаказанность.

И вотъ, въ то самое время, когда эта политика стала приносить самые пышные плоды, когда франко-русскія оргіи въ Кронштадтѣ ознаменовали ся вѣдшій успѣхъ, а величайшимъ, по словамъ сикофантовъ русскаго капитализма, актомъ всего царствованія — таможеннымъ тарифомъ 91 г. — протекціонизмъ провозгласилъ свое полное торжество, въ то время, какъ проявленія революціоннаго движенія затихли и царизмъ кровавыми расправами на окраинахъ Сибири безнаказанно пстрелялъ жертвы политической борьбы, — въ этотъ моментъ полнаго торжества слухъ побѣдителей былъ пораженъ звуками той отходной, которую пропѣвалъ ихъ господству историческій рокъ. Это былъ голодъ 1891-1892 гг.

/ Основная причина того экономическаго кризиса, который въ эти несчастные годы принялъ такой острый характеръ, лежитъ въ той неминуемой, при данныхъ историческихъ условіяхъ, быстротѣ, съ которой должно было въ Россіи совершаться превращеніе полупатріархальнаго общества въ общество капиталистическое съ соотвѣтствующей организаціей государства. Разнузданная классовая политика 80-хъ годовъ, руководимая хищной бюрократіей, ускорила темпъ, которымъ страна шла на встрѣчу экономической катастрофѣ, и довела до ужасающихъ размѣровъ предѣлы послѣдней. Катастрофа предсказывалась давно теоретиками и статистиками, аграрный вопросъ не сходилъ въ теченіе 30 лѣтъ съ очереди и дебатировался въ прессѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ ученыхъ обществахъ и

правительственныхъ комиссіяхъ, но — странное дѣло! всемогущее правительство оказывалось совершенно беспильнымъ всякій разъ, когда надо было осуществить какой-нибудь палліативъ, могущій облегчить „муки родовъ“ и смягчить бѣдствія земледѣльческаго класса, оказывалось беспильнымъ способствовать поднятію его производительныхъ силъ. Всякая положительная реформа требовала облегченія той кабалы, въ которой находилось все трудящееся населеніе, требовала ограниченія хитрыхъ приѣмовъ эксплуатаціи, и правительство останавливалось передъ этой задачей при первомъ же гулъ недовольства высшихъ классовъ. Деморализованный бюрократическій аппаратъ отказывался служить самому правительству, и послѣднее не могло даже знать настоящаго положенія дѣлъ въ странѣ: на цифры и факты делкатно набрасывался флеръ, а черезъ-чуръ откровеннымъ людямъ, пытавшимся поднять завѣсу, вовсе делкатно зажимали рты. Статистика стала подозрительной наукой. Рязанское земство (а также Курское), управляемое дворянской партіей, сожгло цѣлое изданіе своего статистическаго бюро, полное цѣнныхъ свѣдѣній, рисовавшихъ объективную картину положенія крестьянства. Политика, ставившая своей задачей сохраненіе старыхъ политическихъ формъ путемъ приспособленія ихъ къ требованіямъ экономическаго развитія, попавъ въ зависимость отъ соединенной клки монополистовъ всѣхъ сортовъ, стала тормазомъ на пути экономическаго развитія, сдѣлала невозможнымъ мало-мальски успѣшный ростъ производительныхъ силъ.

Русская либеральная оппозиція обыкновенно всего менѣе склонна видѣть въ „нищетѣ“ революціонную сторону. Однако, на этотъ разъ всѣ прогрессивныя фракціи сошлись въ надеждахъ на то, что экономическая катастрофа послужитъ „началомъ конца“, какъ выразился покойный Степнякъ. Фраза о томъ, что голодъ будетъ второй Крымской кампаніей, была у всѣхъ на устахъ. Либералы воображали, что правительство сознаетъ свою „ошибку“ и „призоветъ“ средніе классы

къ управленію. Сангвиники революціоннаго лагеря ожидали повсемѣстнаго крестьянскаго бунта, на подобіе бунтовъ Разина и Пугачева, бунта, которому на встрѣчу пойдетъ новое, на этотъ разъ побѣдоносное движеніе революціонной партіи. Пишущему эти строки приходилось слышать въ кружкахъ революціонной молодежи рѣчи о томъ, что революціонная партія должна быть вполне готова къ тому, чтобы встать во главѣ несомнѣнно имѣющаго наступить въ лѣто отъ Р. X. 1892-ое повсемѣстнаго движенія мужиковъ на столичные центры.

И либеральные филлистеры, и революціонные сангвиники обманулись въ ожиданіяхъ. Революціонная сторона экономическаго краха не сказалась ни въ просвѣтленіи эксплуататоровъ, ни въ повсемѣстномъ возстаніи эксплуатируемыхъ. Надежды какъ либераловъ, такъ и революціонеровъ на то, что правительство захлебнется въ финансовыхъ затрудненіяхъ, также оказались тщетными, и въ 1893 г. финансовый „геній“ Витте уже сводилъ бюджетъ безъ дефицита и сконфузившійся было царизмъ гордо поднялъ свою голову.

Но *le roi est mort—vive le roi!**) Когда волненіе, поднятое голоднымъ годомъ, улеглось, и жизнь стала входить въ обычную колею, мало по малу стало обнаруживаться, что этотъ годъ не прошелъ даромъ. Въ разныхъ сферахъ общественной жизни стало проявляться оживленіе загложшихъ теченій, стало замѣчаться зарожденіе совершенно новыхъ явленій. Прошло нѣсколько лѣтъ, и теперь ни для кого — всего менѣе для правительства — не тайна, что въ странѣ происходитъ серьезное броженіе.

Два момента слѣдуетъ различать въ этомъ возбужденіи общественной жизни: либеральное движеніе „образованныхъ классовъ“, съ одной стороны, рабочее движеніе — съ другой.

*) Король умеръ — да здравствуетъ король!

II.

Либеральная и демократическая оппозиція.

Политика современнаго русскаго царизма преслѣдуетъ, какъ мы указывали, классовые интересы землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Однако, эти два класса не въ равной мѣрѣ пользуются благами покровительства и — что особенно поучительно — то самое правительство, которое поставило задачей и девизомъ своей политики возстановленіе значенія „благороднаго сословія“, на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе служить матеріальнымъ интересамъ крупныхъ буржуа, чѣмъ землевладѣльцевъ. На долю дворянства гораздо болѣе выпадаетъ почета и ласки, а самые жирные куски летятъ въ ротъ капиталистовъ, и въ то время какъ буржуазія усилилась и окрѣпла за послѣднее пятнадцатилѣтіе и приобретаетъ все болѣе и болѣе увѣренный тонъ класса, чувствующаго себя политической силой, дворянству всѣ сотни милліоновъ дешеваго кредита оказались не въ прокъ, его экономическая роль падаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ обращеніяхъ къ центральной власти, оно переходитъ отъ жалобнаго языка пищенствующихъ паразитовъ къ наглѣйшимъ требованіямъ легальнаго расхищенія въ его пользу государственныхъ финансовъ; но увы! эта дерзость отчаянія, это минутное возбужденіе попрошайки, который при болѣе холодномъ отказѣ готовъ скинуть шапку и просить „хотя что-нибудь“, оставивъ всякія фразы о своихъ правахъ. Все болѣе выясняется необходимость ликвидаціи хозяйства, ведущагося на основаніяхъ, завѣщанныхъ добрымъ старымъ временемъ и замѣны его капиталистическимъ, замѣной, требующей, въ виду современнаго всемірнаго земледѣльческаго кризиса, все болѣе солидныхъ капиталовъ и знаній и становящейся все затруднительнѣе для опутанныхъ долгами дворянъ. Правительство все чаще начинаетъ отмахиваться отъ назойливыхъ просьбъ гг. дворянъ, начинаетъ намекать на то, что его единственной помощью можетъ быть облегченіе неудачнымъ

хозлевамъ способовъ покончить со своимъ хозяйствомъ. Эта цѣль имѣлась въ виду при дарованіи, по манифесту 94 г., субсидіи Крестьянскому банку для скупки задолженныхъ имѣній и продажи ихъ крестьянамъ. Ультра-феодалы видѣли въ этомъ шагѣ къ демократизаціи земельной собственности, къ экспроприаціи „благороднаго дворянства“. Въ наше время всѣ признають, что новая мѣра выгодна для землевладѣльцевъ: банкъ покупаетъ по очень выгодной для продавцевъ цѣнѣ. Во всякомъ случаѣ, интересы дворянъ, какъ класса и сословія, насколько ею не удовлетворены.

Истекшій годъ богатъ попытками землевладѣльческаго класса добиться новой помощи отъ казны, но всѣ онѣ встрѣтили довольно слабый откликъ. Въ созданномъ при министерствѣ земледѣлія совѣтѣ представители помѣщичьихъ интересовъ были осмѣяны служителями жел.-дор. буржуазіи, не пожелавшей согласиться на удешевленіе провозныхъ тарифовъ на продукты сельского хозяйства. Отъ правительственныхъ чиновъ имъ пришлось выслушать намекъ, что лучшее средство — „самопомощь“... а легко-ли помприться съ этимъ, когда крупная буржуазія ни въ чемъ не впадить себѣ отказа? Неудивительно, поэтому, что дворянство, отстаивая свои классовые интересы, иногда заговариваетъ тономъ оппозиціи, и въ истекшемъ году два органа консервативнаго лагеря, „Гражданинъ“ и „Петербургскія Вѣдомости“, подверглись административной карѣ.

Поскольку высшая часть дворянства непосредственно эксплуатируетъ государственную машину, поскольку его наиболѣе богатая часть соединяетъ въ своихъ рукахъ земледѣліе и обрабатывающую промышленность (сахаровареніе и винокуреніе) и, такимъ образомъ, пользуется выгодами „поощренія національной промышленности“, постольку эта часть является безусловной опорой господствующаго режима. Поскольку провинціальное дворянство держится за свои сословныя привилегіи въ земскомъ самоуправленіи и умѣетъ ихъ эксплуатировать для держанія въ уздѣ арендаторовъ и батраковъ, оно

въ своей большей части тѣсными узами связано съ паризмомъ. Поскольку оно, тѣмъ не менѣе, ощущаетъ на себѣ послѣдствія земледѣльческаго кризиса, оно выступаетъ со своими аграрными вожелѣніями, слишкомъ циничными и реакціонными, чтобы они могли слиться съ требованіями другихъ недовольныхъ классовъ. Но по мѣрѣ того, какъ правительство обнаруживаетъ все меньшую готовность и возможность пойти на встрѣчу этимъ требованіямъ, а съ другой стороны, выясняется настоятельная необходимость коренныхъ реформъ въ системѣ хозяйствъ, реформъ, немисляемыхъ безъ общаго и широкаго подъема производительныхъ силъ страны, — дворянство начинаетъ выдѣлять элементы, сознающіе важность общихъ реформъ и — вмѣстѣ съ обнаруженіемъ неспособности современнаго режима содѣйствовать культурно-экономическому развитію страны — эта часть землевладѣльческаго класса становится способной порвать со своими сословными прерогативами и примыкаетъ къ либеральной оппозиціи. Эта часть дворянства, вмѣстѣ съ землевладѣльцами другихъ сословій, недовольными своимъ неравноправіемъ и частью опираясь на крестьянство, представленное въ земствѣ, составляетъ ядро „земскаго либерализма“.

Другимъ элементомъ политической оппозиціи служатъ такъ-наз. „либеральныя профессіи“. Ихъ матеріальные интересы прежде всего связаны съ широкимъ распространеніемъ капиталистическаго производства, обезпечивающаго спросъ на ихъ знанія; ихъ интересы требуютъ полнаго, всесторонняго развитія всѣхъ высшихъ надстроекъ на экономическомъ фундаментѣ капиталистическаго производства: адвокатуры и свободной науки, прессы и свободной политической арены, создающей классъ политиковъ по профессіи. Матеріальные интересы этого слоя, такимъ образомъ, совпадаютъ съ идеальными интересами капиталистическаго общества. Политическія формы самодержавія, подавляющія всякую открытую общественную жизнь, враждебны интересамъ этого слоя. На него всей своею тяжестью обрушивается

реакціонная сторона политики 80-х годовъ, всѣ тѣ мѣры, которыми самодержавіе боролось противъ „революціонной гидры“. Ростъ косвенныхъ налоговъ, паденіе курса, растущая дороговизна городской жизни отразились на его экономическомъ благосостояніи, а между тѣмъ, система покровительства, приводя массы населенія въ состояніе вопіющей нищеты, обезпечивая эксплуататорамъ высокія прибыли при самыхъ отсталыхъ пріемахъ производства, сокращаетъ способность народа оплачивать трудъ образованныхъ специалистовъ, а крупной промышленности даетъ возможность слишкомъ медленно расширять спросъ на техническія знанія и изобрѣтенія. Къ тому же ведутъ тѣ затрудненія, которыя ставятся правительствомъ распространенію народнаго образованія, и безъ того слишкомъ медленнаго, благодаря бѣдности народа; преслѣдованіе свѣтской школы и насажденіе церковной, стѣсненіе прессы, свободы преподаванія школьнаго и публичнаго, мѣры, направленные къ обузданію студенчества, подавленіе свободы слова въ тѣхъ немногихъ сферахъ общественной дѣятельности, которыя терпятъ правительствомъ (судъ присяжныхъ, земство, муниципалитеты, научныя и экономическія общества), наконецъ, „предохранительныя“ административныя мѣры противъ подозрительныхъ элементовъ — въ видахъ искорененія „революціонной гидры“ — все это непосредственно ведетъ къ обостренію антагонизма этого класса съ существующей политической системой. Но эта социальная группа слишкомъ слаба экономически, чтобы составить самодовлѣющую политическую силу въ то время, какъ другіе общественные слои собрались подъ знаменемъ паризма. Отвлеченіе всей массы среднихъ классовъ отъ оппозиціи путемъ потаканія матеріальнымъ вождѣлѣніямъ, сопровождаемое правительственнымъ терроромъ, лишившимъ „интеллигенцію“ главныхъ силъ и разбитіемъ на голову революціонной партіи, повліяли на интеллигенцію 80-хъ годовъ самымъ удручающимъ образомъ. И въ то же время „національная политика“ внутри страны явилась средствомъ ея